

Ю.В. Мысько, С.В. Пивоваров

Находки ножей с воллютообразными навершиями в Верхнем Попрутье и Среднем Поднестровье

Y. V. Mysko, S. V. Pyvovarov.

Finds of Knives with Curls on the Handles in the Region of the Upper Prut and the Middle Dniester.

The article is devoted to finds of iron knives with curls on the handles in the region of the Upper Prut and the Middle Dniester. All these knives are dated to the period of the second half of 8th — 10th centuries and are connected with the antiquities of the culture of Luka-Raykovetskaya. The review of these findings in other regions of the Eastern Europe, allow to speak about their connection with the migrations of a local group of western Slavonic population. Most researchers attribute these knives as objects of cult.

Y. V. Mysko, S. V. Pyvovarov.

Cuțitele cu volute în regiunea superioară a Prutului și pe Nistrul Mijlociu.

Articolul prezintă descoperirile de cuțite cu volute din regiunea superioară a Prutului și de pe Nistrul Mijlociu. Toate aceste cuțite se datează cu jumătatea a doua a sec. VIII – sec. X și sunt atribuite vestigiilor culturii Luka-Raykovetskaya. Trecerea în revistă a descoperirilor similare din alte regiuni a Europei de Est permit a trasa legătura lor cu mișcările unor grupuri aparte de populație vest-slavică. Majoritatea cercetătorilor consideră aceste cuțite ca fiind obiecte de cult.

Ю.В. Мысько, С.В. Пивоваров.

Находки ножей с воллютообразными навершиями в Верхнем Попрутье и Среднем Поднестровье.

Статья посвящена находкам железных ножей с воллютообразными навершиями в регионе. Такие ножи датируются периодом второй половины VIII в. — X в. и найдены в древностях культуры Луки Райковецкой. Обзор подобных находок на других восточноевропейских территориях позволяет говорить об их связи с миграциями отдельных групп западнславянского населения. Что касается функционального предназначения, то большинство исследователей склоняются к их культовой атрибутике.

Keywords: knives with curls on the handles, the Upper Prut and the Middle Dniester, Luka-Raykovetskaya Culture, objects of Cult.

Cuvinte cheie: cuțite cu volute, regiunea Prutului siperior și Nistrul Mijlociu, cultura Luka-Raykovetskaya, obiecte de cult.

Ключевые слова: ножи с воллютообразными навершиями, Верхнее Попрутье и Среднее Поднестровье, культура Лука-Райковецкая, предметы культа.

На археологических памятниках культуры Лука-Райковецкая в междуречье Верхнего Прута и Среднего Днестра железные изделия попадаются сравнительно редко, поэтому каждый новый предмет, выявленный в славянских древностях VIII—X вв., заслуживает особого внимания. Тем более это относится к таким раритетам, как ножи с воллютообразными навершиями, находки которых единичны и функциональное применение которых окончательно не выяснено.

В последнее время в указанном регионе были сделаны две подобные находки. Первая связана с городищем, расположен-

ном на окраине с. Ридковцы Новоселицкого района Черновицкой области. Само городище было открыто С.В. Пивоваровым в 1999 г. Памятник размещается на мысовом утесе высотой около 30 м над уровнем ручья, который протекает на дне глубокого оврага и впадает в р. Мошков вблизи плотины Чёрновского озера. Укрепления городища восходят, очевидно, еще к раннежелезному веку, о чем свидетельствует мощный пласт пережженной глины в основе внешнего вала. Более поздние валы и рвы были приспособлены славянами для своих нужд. Городище укреплено рвом и валом со стороны спуска к оврагу, а с напольной сто-

роны его защищали еще два вала со рвами, которые сохранились на высоту 1—2 м и глубину 0,5—1 м соответственно. На территории памятника прослеживается 13 западин от славянских жилищ-полуземлянок, за его пределами в юго-восточном направлении располагалось открытое поселение, где зафиксированы западины от еще приблизительно 25 полуземлянок.

Во время обследования городища в 2004 г. на обочине дороги, которая прошла через котлован впадины, были найдены фрагменты стенок типичных сосудов культуры Лука-Райковецкая с волнистым орнаментом. Здесь же был выявлен железный нож с волутообразным навершием (рис. 1: 1). Его общая длина 13 см, ширина навершия 3 см, лезвие в средней части — 1 см. Волюты ножа размещены с обеих сторон от лезвия, в их отверстия продеты кольца диаметром соответственно 1,7 и 1,6 см. Внутренний диаметр колец составляет 1 и 0,9 см.

Осенью 2009 г. фрагмент ножа с волутообразным навершием в сопровождении лепной керамики IX в. был обнаружен в восточной части городища Ревно I, на дороге, проложенной в разрыве вала. Комплекс из двух славянских городищ IX—X вв., поселения-спутника и могильника на окраине с. Ревно Кицманского района Черновицкой области — хорошо исследованный памятник, изучавшийся в 70—80-х гг. XX в. Б. А. Тимощуком, И. П. Русановой, Л. П. Михайлиной (Михайлина и др. 1978: 368; Михайлина и др. 1980: 370—371; Тимошук 1982: 120—138; Михайлина 2007: 60—74). Уцелевшая верхняя часть ножа длиной 5 см обломана внизу, но, судя по сужающемуся лезвию, его длина составляла не более 8—10 см (рис. 1: 2). Сохранность предмета очень плохая, из-за коррозии форма волют (их ширина около 2,5 см) деформирована, но все-таки узнаваема. Возможно, нож претерпел также действие огня.

На территории Ревнянского комплекса это вторая подобная находка. Немного поврежденный нож длиной 17 см и шириной лезвия 1 см ранее был обнаружен на городище Ревно II (рис. 1: 3) (Михайлина 1997: 96, рис. 47: 8). Датированным материалом сооружения № 4, откуда он происходит, служит керамический комплекс X в. (в особенности импортные амфоровидные изделия и часть узкогорлого сосуда, аналогичного западнославянским бутылковидным горшкам).

Кроме указанных, еще один нож найден в жилище № 2 (78) поселения Рашков I (возле с. Рашков Хотинского района Черновицкой области), которое по данным планиграфии датируется не ранее второй половины VIII в. (рис. 1: 4) (Баран 2004: 57, рис. 47: 8).

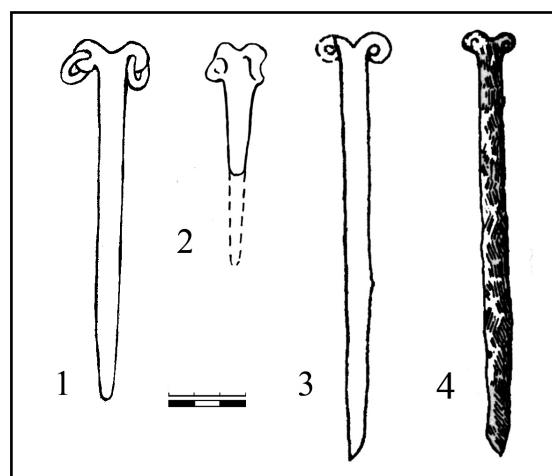

Рис. 1. Ножи с волутообразными навершиями из Верхнего Попрутья и Среднего Поднестровья: 1 — Ридковцы, 2 — Ревно I, 3 — Ревно II (по Л. П. Михайлине), 4 — Рашков I (по Я. В. Барану).

На сегодня, по данным Л. В. Корольковой, известно около 70 подобных экземпляров, в ее каталоге учтены находки из 56 мест, на карте Р. А. Рабиновича обозначены 59 памятников (Королькова 1994: 236; Рабинович 2005: 353). География их распространения — регионы Центральной и Восточной Европы, включая Украину, Молдову, Беларусь и Россию. Одним из первых вопрос о происхождении, этнической принадлежности, функциональном назначении таких ножей в отечественной историографии поднял Р. С. Минасян (Минасян 1978: 148—152). Сейчас историография проблемы насчитывает более полусотни работ, наиболее полный их перечень приведен В. В. Седовым (Седов 2002: 543).

Вообще ножи, о которых идет речь, представляют собой железную пластину шириной 0,8—1,5 см, длиной 8—21 см, нижний конец которой непосредственно переходит в клинок, а верхний раздваивается и спирально загибается в виде волют. Рукояти такая конструкция, очевидно, не предусматривала: форма черенка технологически делает невозможным ее закрепление. Кроме того, сохранность на отдельных экземплярах металлических колец в волутах свидетельствует о наличии цепочки и возможности ношения ножей на шее или поясе.

Существует несколько типологий подобных изделий. Исходя из размеров и наличия орнамента, С. Шишка разделил известные в его время приблизительно 30 находок на тип «А» (ранние орнаментированные ножи больших размеров) и тип «В» (более поздние неорнаментированные) (Šiška 1964: 400). По форме завершения верхней части В. Б. Перхавко классифицировал эти ножи на два типа: тип «А» характеризуется волутовым завершением в виде спиралей, у образцов типа «Б» такое завершение

эсвидное (Перхавко 1979: 47). Большинство экземпляров, в том числе и все находки из Пруто-Днестровского междуречья, относятся к типу «А». На форму завершения навершия ориентируется и Л.В. Королькова: тип I — «волутообразная пластина» и тип II — «бараний рог», с выделением более детальных вариантов на основе особенностей оформления волют (Королькова 1994: 236) (рис. 2). Ридковецкий и рашковский ножи могут быть отнесены к варианту 3 типа I, а неплохо сохранившийся ревнянский — к варианту 1 типа II. Этому не противоречит и хронология изделий.

Говоря о региональном распространении этих артефактов, исследователи обычно выделяют ряд четко очерченных европейских ареалов концентрации данных изделий: Польский, Днепро-Неманский, Среднее Подунавье, Поднестровско-Попрутский, Днепровское Левобережье (Рабинович 2005: 352—353). Найдены они в основном на поселениях, реже — в могильниках, еще реже — на городищах. Что касается датировки, то самая распространенная версия — VII—X вв. Хотя В.Н. Ковалевский, вслед за Р.С. Минасяном, опускает нижнюю хронологическую дату до VI в. на основании ошибочного (как показало исследование, проведенное в 80-х гг. XX в. В. Шиманским) мнения последнего относительно орнаментированных ножей из Польши как наиболее ранних (VI—VII вв.) (Ковалевский 1998: 10). Самым ранним можно считать нож, найденный в Кишомборе (Среднее Подунавье) — это первая пол. VII в. (Королькова 1994: 235). Соответственно и первоначальная схема их распространения

(Польша — Подунавье — Поднестровье — Приднепровье — Приильменье), которой придерживались Р.С. Минасян, В.Б. Перхавко и их последователи, пересмотрена в сторону Подунавья как исходной территории миграции (В.В. Седов, Р.А. Рабинович, Л.В. Королькова). По В.В. Седову, первые ножи с волутами появились в Дунайско-Карпатском регионе в VI—VIII вв., а в Карпато-Нижнедунайском регионе они продолжали бытовать и в VIII—X вв. (Седов 2002: 543). Л.В. Королькова верхнюю хронологическую границу поднимает до XI в., хотя в ее классификации это никак не отражено (Королькова 1994: 234).

Исследователи в большинстве случаев связывают данный тип находок с разными группами славянского населения, чаще западнославянского. По мнению В.Н. Ковалевского, такие ножи впервые появились в среде антов. Позже они распространяются по всем антскому ареалу, как и другие виды специфического хозяйственного инвентаря (Ковалевский 1998: 20). Появление таких артефактов на Днепровском Левобережье он обуславливает раннеславянской традицией у пеньковцев и колочинцев (то есть антов). Последние, по его мнению, принимали участие в становлении вольнцевской культуры как компонента роменско-боршевских древностей. В.Б. Перхавко говорит о западнославянских влияниях с территории Польши на население Молдовы и носителей роменско-боршевской культуры (Перхавко 1979: 47). В.В. Седов такие ножи считает показателем расселения отдельных групп дунайских славян (Седов 2002: 543). Интересен вывод, сделанный Р.А. Рабиновичем. Он предполагает, что появление в конце VII в. ножей такого типа в Карпато-Поднестровье связано с миграцией в район носителей древностей типа Луки-Райковецкой. Из того, что ни одна из молдавских находок не сделана на кольцевых городищах типа Алчедар-Екимауцы с ярко выраженными западнославянскими элементами, следует, что эти памятники оставлены населением, отличным от носителей древностей типа Луки-Райковецкой. Эти группы населения пришли сюда из среднедунайского ареала в разное время (Рабинович 2005: 357—358). Возможно, что Пруто-Днестровское междуречье могло быть следующим регионом расселения носителей Луки-Райковецкой культуры, с древностями которой безусловно соотносятся здесь ножи с волутами.

Нельзя не учитывать, что, хотя большинство находок связано со славянским этническим компонентом, часть из них принадлежит тюркскому населению Подунавья (славяно-аварские

века	Тип I	Тип II	века
VIII-X	Вариант 1 		VIII-X
VIII-IX	Вариант 2 		IX
VII-VIII	Вариант 3 		VIII-X
VIII	Вариант 4 		до X
VIII	Вариант 5 		I пол. IX
?	Вариант 6 		VIII

Рис. 2. Классификация ножей с волутообразными навершиями (по Л.В. Корольковой).

и раннеболгарские погребения). Кроме того, подобные артефакты выявлены в Южной Сибири (Красноярск и Минусинская котловина), где они датируются XI—XII вв. (Савинов 1984: 115) (рис. 3). К этому же времени относится изображение ножа с волотообразным навершием на половецкой бабе из Краснодарского края (Плетнева 1974: 177, табл. 61: 1144) (рис. 4). По мнению Д. Г. Савинова, изображения сибирских реалий на половецких (кыпчакских) каменных изваяниях, как и находки некоторых других предметов, имеющих более ранние прототипы на европейских территориях, подтверждают точку зрения об участии кыпчакских племен в сложении культуры Южной Сибири предмонгольского времени. Это свидетельствует об интенсивных этнокультурных, а возможно, и этногенетических, контактах, происходивших на территории евразийских степей на рубеже I и II тыс. н. э., причем направленных не только с востока на запад, но и с запада на восток (Савинов 1984: 120).

Бытование ножей с волотообразными навершиями гораздо шире славянской этнической среды, и это необходимо учитывать, на наш взгляд, в решении вопросов раскрытия их семантической нагрузки и функционального назначения. Наиболее распространенной и на сегодняшний день аргументировано не опровергнутой версией о предназначении подобных ножей является их ритуальное использование. Данную точку зрения поддерживает большинство исследователей, занимавшихся изучением данного вопроса (Минасян 1978: 152; Винников 1995: 65; Перхавко 1979: 47—48; Седов 1982: 268; Седов 2002: 544; Мезенцева 1965: 102; Федоров 1960: 285). Уже В. Шиманский рассматривал эти ножи как предметы жреческого языческого культа (Szymański 1964: 226—227). Это косвенно подтверждается как редкостью

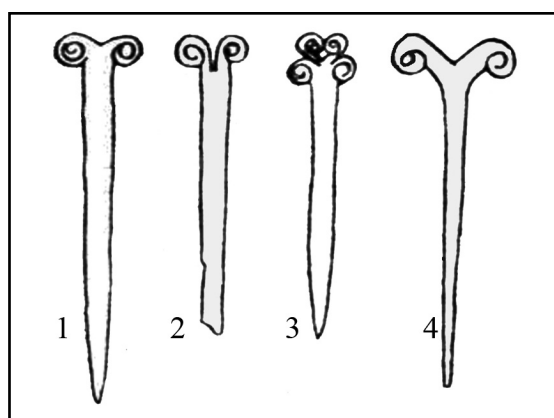

Рис. 3. Ножи с волотообразными навершиями из Южной Сибири (по Д. Г. Савинову): 1—3 — Минусинская котловина; 4 — Красноярск.

находок, их конструктивными особенностями, так и исчезновением подобного вида ножей в славянской среде в X в. (период христианизации), тогда как среди кочевников применение ножей с волотами продолжается до XII в. Хотя рядом авторов выдвигались и другие гипотезы. Например, экземпляры длиннее 20 см (в особенности из аварских могильников) причисляли к боевым кинжалам (Ковалевский 1998: 21). И. И. Ляпушкин нож с Новотроицкого городища интерпретировал как орудие для раскряпки кожи и изготовления сапог (Ляпушкин 1958: 24). И. Бырня нож из Диногетии относил к деревообрабатывающим инструментам (сверлам) (Рафалович 1972: 183).

Культурную интерпретацию ножей с волотообразными навершиями подверг сомнению В. Н. Ковалевский. Считая ее бездоказательной, он не предложил иной, отмечая лишь, что нож — универсальное орудие и его применение возможно в любой сфере человеческой деятельности (Ковалевский 1998: 20—21). Можно не согласиться с тезисом В. Н. Ковалевского о том, что находки таких ножей не являются редкими. Проведенный им количественный анализ ножей с Животинного городища, где в процентном соотношении 4 ножа с волотообразными навершиями из общего количества найденных (33 целых экземпляра) составляют 13,2%, не убеждает. Такие находки по-прежнему остаются единичными, например, среди 25 ножей, найденных на полностью раскопанном поселении Рашков I (на Животинном городище была исследована четвертая часть общей площади), попался только один волотообразный (Баран 2004: 57). Замечание В. Н. Ковалевского относительно монографии И. П. Русановой и Б. А. Тимощука, где они не упоминают о подобных ножах, тоже не целесообразно. Материалы описываемого Богитского культового комплекса относятся к древнерусскому периоду, когда эти ножи исчезают из славянского обихода. Предмет из Звенигорода, на который ссылается В. Н. Ковалевский и который напоминает ему ручку такого ножа, верно интерпретирован авторами как ручка ложки (Русанова, Тимощук 1993: 40).

Историографический обзор вопроса о времени появления и назначении ножей с волотообразными навершиями позволяет согласиться с теми исследователями, которые считают их культовыми предметами. Редкость на славянских памятниках, отсутствие утилитарного назначения свидетельствуют в пользу сакральной сферы использования этих предметов, их престижной значимости. Возможно, это были ножи для языческих жертвоприношений и разнообразных магических дей-

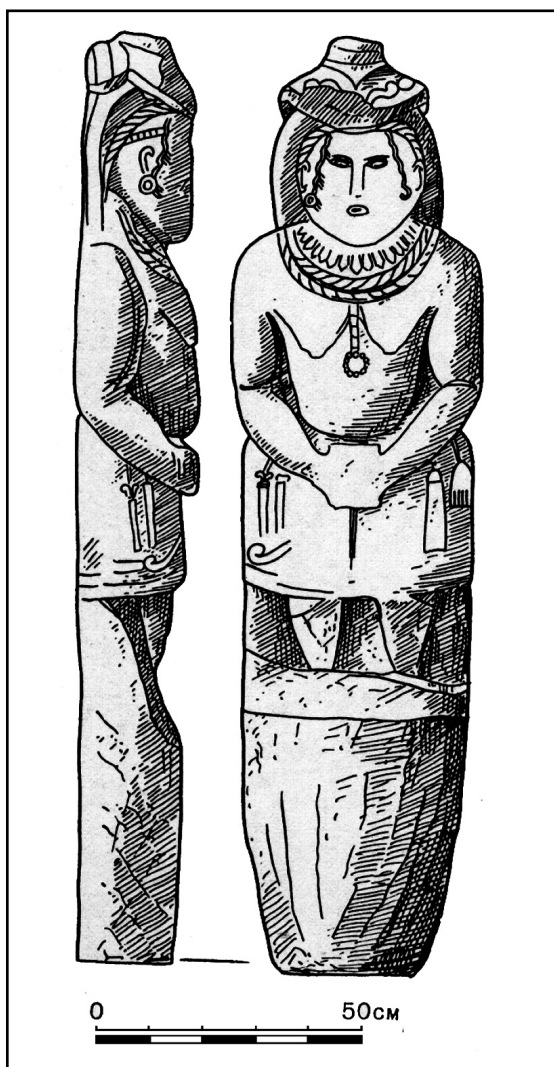

Рис. 4. Половецкое каменное изваяние с привешенным на поясе ножом с волютообразным навершием. Краснодарский историко-краеведческий музей. (по С. А. Плетневой).

ствий. Напомним, что прототипом их формы считается миниатюрный нож с волютообразной рукояткой, прикрепленный в числе других амулетов к золотому поясу-цепи третьей четверти IV в. из клада в Шилагисомльё (теперь Szilagysomlyo или Şimleu Silvaniei на территории Румынии. Одна из транскрипций, утвердившаяся в научных кругах — Силадьшомйо) (Щукин 2004: 158—168; Седов 2002: 543). Украшения в виде цепей появились в «варварском мире» IV—VI вв. как подарки императоров Рима и Константинополя иноплеменным вождям в качестве инсигний — брактэатов. Пояс из Шилагисомльё был передан императором Валентом готскому королю Фритигерну при посредстве христианского епископа арианского толка Ульфилы во время переговоров готов и римлян в Антиохии Сирийской (Щукин 2004: 158—168; Шевченко 2008). Как показал Ю. Ю. Шевченко, все привески пояса длиной 174 см (в «меру Гроба Господня», раз-

мерность, соответствовавшая росту Иисуса Христа) хорошо интерпретируются в русле христианской символики. Нож с навершием в виде волют-спиралей в этом контексте может восприниматься как окулировочный (разновидность садового, использовавшийся для прививки растений) и вместе с широколопастным наральником, нанизанным с ним на одно кольцо, выступать иллюстрацией притчи о Добром Сеятеле (Шевченко 2008) (рис. 5). Наличие многочисленных привесок-амулетов на цепи из Шилагисомльё неприемлемо для ортодоксального христианства, но вполне допустимо для арианства IV в., с кругом которых и соотносится эта инсигния.

Если навершие с волютами со временем получило распространение в варварском мире, то вполне вероятно, что славяне могли позаимствовать его форму, вкладывая в нее отличный от прототипа смысл соответственно своему языческому мировоззрению. Так Л. В. Королькова считает такой нож плужным и вместе с привеской-наральником связывает их значение с преобладавшими в среде славян до христианизации аграрными культурами плодородия, составной частью которых выступает обязательное жертвоприношение, для чего и использовался нож. В доказательство она приводит пример находки ножа с волютообразным навершием на поселении Георгий (Приильмень) в яме вместе с целым скелетом свиньи, черепом и конечностями лошади, обломками посуды (Королькова 1994: 237). Но нельзя не заметить, что в славянских артефактах повторяется только верхняя часть с волютами, а нижняя, которая как раз и соотносится по форме с плужным ножом, совершенно другая.

Возможно, имеет смысл рассмотреть семантику волют через призму их «змеиной» символики, связанной с культом змеи (ужа), распространенным у многих народов в древности и средневековье. Ю. Ю. Шевченко предполагает связь «ужеголовых» украшений, презентующих культуру готов, и исторически связанного с ними населения позднегуннского времени, с раннехристианскими апокрифами арианского толка. А волютообразное навершие, по его мнению, может воспроизводить «очковидную» форму желтых затылочных пятен ужа. Существование реальных двуспиральных «очковидных» подвесок прослеживается в кельто-иллирийском погребальном обряде накануне новой эры, в зарубинецкой культуре I—II вв. н. э., в составе раннесредневековых «кладов древностей антов» VI—VII вв. (Шевченко 2008). Нет необходимости напоминать, насколько амбивалентен и полифункционален образ змеи (ужа) во всех славянских мифологических тради-

циях. Змея объединяет в себе апотропейные и лечебные свойства с вредоносными качествами, ее используют для насылания порчи и как оберег, она ядовита и целебна, нечистое животное, источник зла и в то же время наделяет человека чудесными способностями и обладает покровительственными функциями (Гура 1997: 277—358). Образ змеи как домашнего покровителя связан с культом предков, часто домовый уж рассматривался как эквивалент предка или прямо отождествлялся с кем-нибудь из умерших (Гура 1997: 310—311). Хтонический образ змеи связан с подземным миром мертвых, она могла восприниматься как «тень» (душа) человека. Многочисленные поверья связаны с «царем змей», которого болгары иногда представляют двуглавым (Гура 1997: 295). Кроме того, в южнославянских верованиях змее (ужу) приписывают роль защитницы не только дома и скотного двора, но также полей и виноградников, оберегающих урожай от града (Гура 1997: 317—318). Заметим, что палка, находившаяся в контакте со змеей, у славян наделяется особыми магическими свойствами: в зависимости от вида контакта ею можно разогнать градовые тучи, усмирить самую яростную битву или пожар, отогнать мышей от хлеба, разлучить супругов и т.п. (Гура 1997: 332—334). Сама палка, наряду с другими длинными предметами, — распространенная метафора змеи.

В свете изложенного, нож с волютообразным навершием вполне может соотноситься с образом змеи со всеми вытекающими функциями использования в сакральной сфере, связанной с культом предков и домашнего очага, аграрной, метеорологической, апотропейной, превентивной и прочей магией. Находки таких ножей есть в женских погребениях, а именно женщины в славянской традиции почитались хранительницами очага и чаще занимались различными видами магических практик.

Показательно, что изображение ножа с волютами присутствует на поясе также женского половецкого каменного изваяния рядом с обычным ножом, что подтверждает их различное применение. Очевидно, такие ножи у тюрков были столь же редки, как и у славян: из 46 изученных С. А. Плетневой статуй с ножами (30 — мужских, 16 — женских) только на одной имеется нож с волютообразным навершием (Плетнева 1974: 31; 48, рис. 20: 17; 49). Изготовление подобных каменных изваяний — выразительное проявление культа предков, в котором почитаемый образ складывался из трех первичных представлений: идеи души умершего, тотемического прародителя и семейно-родового покровителя. (Токарев 1964: 277). Идея души умершего проявлялась

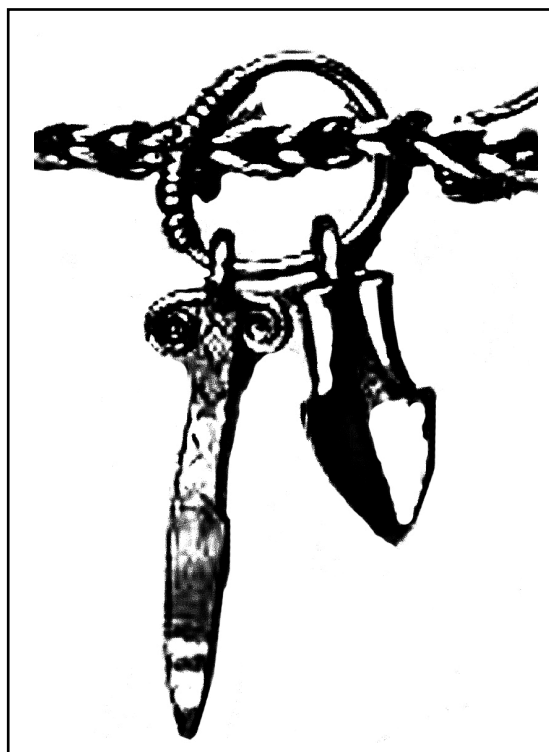

Рис. 5. Привеска-нож с волютообразной рукояткой из клада в Шилагисомльё (по Ю. Ю. Шевченко).

в конкретной индивидуальной портретности изображений антропоморфных стел, а о темных священных животных свидетельствует остеологический материал, обнаруженный рядом в жертвенных ямах: кровью этих животных (коня, быка, барана, собаки), вероятно, обрызгивали статуи, тем самым приобщая их к тотемам (Плетнева 1974: 73—74). Ритуальное использование волютообразных ножей, включающее их определенную семантическую нагрузку, в кочевнической среде может иметь свою длительную традицию, идущую от общих прототипов, но параллельную славянской, хотя и перекликающуюся с ней. Поэтому спорным представляется тезис Л. В. Корольковой о вероятности их локального производства и заимствовании аварами и праболгарами элементов земледельческого культа местного (славянского) населения в процессе их деномадизации в VII—VIII вв. (Королькова 1994: 237). Расшифровка волют как олицетворения «солнечного», «небесного» божества и тонкой железной пластины как своеобразного «посоха» этого небесного божества, также кажется нам малоубедительными.

Предположение, что ножи с волютами являются возможным женским ритуальным атрибутом (как и пояс-цепь из Шилагисомльё), не исключает использование их мужчинами. В подавляющем большинстве они встречены на городищах или больших поселениях, которые были центра-

№5. 2010

ми поселенческих гнезд, окруженных меньшими славянскими селищами. То есть ножи выявлены на памятниках, где сосредотачивалась родоплеменная знать и находился культовый центр округи. Именно там преимущественно и отправлялись основные языческие обряды, приносились жертвы, выполнялись магические действия и т. п. Достоверные свидетельства о наличии служителей языческого культа (жрецах) в период бытования исследу-

емых ножей касаются только части западных славян (полабско-поморских), атрибутом которых они могли выступать. У восточных славян догосударственного периода языческую ритуальную практику, вероятно, отправляли главы больших (патриархальных) семей, старейшины общин. В любом случае, по нашему мнению, такие ножи входили в набор специального языческого культового инвентаря.

Литература

- Баран Я. В. 2004. *Слов'янська община*. Київ; Чернівці: Зелена Буковина.
- Винников А. З. 1995. *Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века)*. Воронеж: Изд-во ВГУ.
- Гура А. В. 1997. *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик.
- Ковалевский В. Н. 1998. Еще раз о ножах с волотообразным навершием. В: *Вопросы истории славян. Археология. Этнография*. Вып. 12. Воронеж: Изд-во ВГУ, 9—24.
- Королькова Л. В. 1994. Вопросы интерпретации ножей с волотообразным навершием. В: *Тверской археологический сборник 1*. Тверь, 234—238.
- Ляпушкин И. И. 1958. Городище Новотроицкое. МИА 4.
- Мезенцева Г. Г. 1965. *Канівське поселення полян*. Київ: Вид-во Київського ун-ту.
- Минасян Р. С. 1978. Железные ножи с волотообразным навершием. В: *Проблемы археологии II*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 148—152.
- Михайлина и др. 1978. Михайлина Л. П., Русанова И. П., Тимошук Б. А. Раскопки славянского городища на р. Прут. АО 1977, 368.
- Михайлина и др. 1980. Михайлина Л. П., Русанова И. П., Тимошук Б. А. Селища и городища Ревное I. АО 1980, 370—371.
- Михайлина Л. П. 1997. *Населення Верхнього Попруття VIII—X ст.* Чернівці: Рута.
- Михайлина Л. П. 2007. *Слов'яни VIII—X ст. між Дніпром і Карпатами*. Київ: Інститут археології НАН України.
- Перхавко В. Б. 1979. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана. СА (4), 40—55.
- Плетнёва С. А. 1974. Половецкие каменные изваяния. САИ Е4—2.
- Рабинович Р. А. 2005. Ножи с волотообразными рукоятками на территории Молдовы и их культурно-исторический контекст. *Revista arheologică. Serie nouă. Vol. 1. Nr. 2. Chişinău*, 351—359.
- Рафалович А. И. 1972. *Славяне VI—IX вв. в Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А. 1993. *Языческие святилища древних славян*. Москва: АРХЭ.
- Савинов 1984. Сибирские реалии половецких каменных изваяний. В: *Археология юга Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: Наука, 115—122. (http://kronk.narod.ru/library/savinov-dg-1984a.htm#_n5)
- Седов В. В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Москва: Наука.
- Седов В. В. 2002. *Славяне: Историко-археологическое исследование*. Москва: Языки славянской культуры.
- Тимошук Б. О. 1982. *Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.)*. Київ: Наукова думка.
- Токарев С. А. 1964. *Ранние формы религии и их развитие*. Москва: Наука.
- Федоров Г. Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА 89.
- Шевченко Ю. Ю. 2008. *Черниговская золотая цепь: пояс «в меру Гроба Господня» (реликвия из величайшей пещерной святыни христианского мира)*. <http://www.rusarch.ru/shevchenko3.htm>.
- Щукин М. Б. 2004. Силадышомйо или Сильвано-Шильмоне и Фритигерн. В: *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции к 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова*. Санкт-Петербург, 158—168.
- Šiška S. 1964. Nože s volútovým ukončením rukovátí v Hradištnej kultúre. *Archeologické rozhledy XVI* (3), 395—404.
- Szymański W. 1964. Przyczynki do zagadnienia chronologii i zasięgu występowania żelaznych noży z rękojeściami zakończonymi wolutami. *Wiadomości archeologiczne XXX* (3—4), 221—228.

Статья поступила в номер 5 октября 2009 г.

Yulya Mysko (Chernivtsi, Ukraine). Candidate of historical sciences. Yuriy Fedkovich Chernivtsi National University.

Yulya Mysko (Chernivtsi, Ucraina). Candidat în științe istorice. Universitatea de stat „I. Fedykovich” din Cernăuți.

Мысько Юлия Владимировна (Черновцы, Украина). Кандидат исторических наук. Национальный университет им. Ю. Федыковича.

E-mail: mysko2003@rambler.ru

Sergey Ryvovarov (Chernivtsi, Ukraine). Doctor of historical sciences. Yuriy Fedkovich Chernivtsi National University.

Sergey Ryvovarov (Chernivtsi, Ucraina). Doctor în științe istorice. Universitatea de stat „I. Fedykovich” din Cernăuți.

Пивоваров Сергей Владимирович (Черновцы, Украина). Доктор исторических наук. Национальный университет им. Ю. Федыковича.

E-mail: s.ryvovarov@mail.ru